

УДК 130.2

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-4-137-142

Ольга Викторовна Бокавнева,*Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России**(г. Москва, Россия),**e-mail: o.bokavneva@inno.mgimo.ru***За границу Великой стены: особенности национального характера китайцев**

Пристальный интерес к изучению соседних стран всегда оставался насущным вопросом, это обусловлено рядом причин, среди которых: защита государства от вторжений извне, сохранение независимости и территориальной целостности, установление дипломатических контактов, налаживание торговых отношений, развитие культурных связей. Отгородившись Великой стеной, Китай развивался и шёл по собственному пути. Обособленность от внешнего мира, суровый климат, окружающая среда – всё это сказалось на национальном характере. В настоящее время рассмотрение ценностных ориентаций, норм поведения, системы воспитания, а также понимание и целесообразное применение накопленных знаний в процессе межкультурного контакта продолжает быть актуальной проблемой, решение которой – исследовать китайское общество, преодолев Великую стену. На первый взгляд, устойчивость китайской культуры воспринимается в качестве консервативной. Однако её парадоксальность проявляется в способности принимать новые веяния, отвечать на вызовы современности, сохраняя те образцы и нормы, которые складывались и передавались следующим поколениям на протяжении веков. Приверженность традициям просматривается в поведении, быту, межличностных отношениях и влияет на все сферы жизни общества. Китайцы принадлежат к иной цивилизации, у них другая система взглядов, отношение к действительности, определённый тип мышления, невербальные средства коммуникации, языковая картина мира, юмор. Исследование черт, присущих китайскому характеру, посредством философско-культурологического анализа поможет предотвратить конфликтные ситуации, избежать недопонимания в общении.

Ключевые слова: национальный характер, семья, возможность «сохранить лицо», нравственные установки, традиции, преемственность, коллективизм

Olga V. Bokavneva,*Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia**(Moscow, Russia),**e-mail: o.bokavneva@inno.mgimo.ru***Beyond the Great Wall: Peculiarities of the Chinese National Character**

Keen interest in studying of neighboring states has always remained a vital problem for several reasons: the protection of the state from invasions, the defense of independence and territorial integrity, the establishment of diplomatic contacts and trade relations, the development of cultural ties. Walled by the Great Wall, China developed and went its own way. Isolation from outside world, the harsh climate, the natural environment – all has affected the national character. Nowadays the consideration of value orientations, norms of behavior, system of education, understanding and appropriate application of accumulated knowledge in the process of intercultural contact continues to be an important problem, the solution of which is to explore Chinese society by overcoming the Great Wall. At first sight, the stability of Chinese culture is perceived as conservative. However, its paradoxicality is manifested in the ability to accept new trends, to reply the challenges of today, preserving the samples and norms, that have evolved and passed on to the next generation for centuries. Adherence to traditions can be seen in behavior, everyday life, interpersonal relationships, affects all spheres of society. The Chinese belong to another civilization, they have a different system of views, attitude to reality, a certain type of thinking, non-verbal means of communication, language picture of the world, humor. This article discusses the national traits of Chinese character in the context of the key provisions of philosophical and cultural analysis – which can help to prevent conflict situations, avoid misunderstandings in communication

Keywords: national character, family, “saving face”, moral attitudes, traditions, succession, collectivity

Введение. Преодоление культурных различий в межнациональной коммуникации всегда будет актуальным вопросом, поскольку в современном мире, включённом в процесс глобализации, невозможно прийти к компромиссному решению в урегулировании различных противоречий, достичь взаимопонимания и уважения без знания традиций, исторического пути развития, нравственно-психологических ценностей собеседника. Китай долгое время оставался закрытой страной, погружённой в задумчивую дрему и неохотно подпускавшей к себе

иностранцев, от этого казался им ещё более таинственным и притягательным. Поднебесная, сосредоточенная на себе, хранила безмолвие и держалась особняком в мировом сообществе. Открытие Китая миру случилось в результате реформ, проводимых Дэн Сяопином.

Древняя китайская государственность сохраняется на протяжении тысячелетий при трансформации политической системы, идеологии; в полиэтничной и полирелигиозной среде. Ей не стало помехой наличие более ста «диалектов» (или, скорее, языков);

© Бокавнева О. В., 2020

даже некоторая неустойчивость современного китайского языка как «языка межнационального общения» (по крайней мере, в письменной его стандартизации) не мешает гражданам Китая чувствовать себя именно гражданами Китая, в какой бы стране они ни находились [9, с. 209].

Национальная и культурная принадлежность, без сомнения, играет огромную роль в жизни человека. Она определяет его самовосприятие, восприятие других, бессознательно диктует правила и нормы поведения [5, с. 34]. По мнению Мильтона Беннета, все трудности, возникающие в процессе межнациональной коммуникации, происходят из-за неприятия разницы культур. Согласно модели развития межкультурной чувствительности, разработанной учёным, процесс осознания различий представляет собой последовательный переход от этноцентризма (отрицание, защита, минимизация) к этнорелятивизму (признание, адаптация, интеграция). Итогом процесса, направленного на осмысление различий, должно стать повышение уровня межкультурной компетенции.

Изучению Китая посвящено немало работ отечественных исследователей, поскольку РФ и КНР имеют общие границы, между странами установлены тесные дипломатические контакты, во многих сферах развито сотрудничество. Однако наблюдая, как Поднебесная, где в обществе превалируют ретроспективные взгляды, прогрессирует в различных областях, возникает насущный вопрос: открылся ли Китай?

Методология и методы исследования. Предполагаемая научная гипотеза заключается в том, что изучение национальной специфики, как особой сложной системы социокультурных норм и психического склада, формировавшихся под влиянием исторической судьбы народа, социального опыта и географической среды, будет способствовать осознанию культурных различий, что, в свою очередь, поможет преодолеть культурные барьеры между участниками диалога.

When individuals who come from different groups interact, they experience in one way or another a certain preoccupation. <...> The anxiety generated by all these possibilities can in and of itself create difficulties for the interview and generate effects which negatively affect the relationship between interviewer and interviewee¹ [14]. Загадка межкультурной коммуникации, таким образом, начинает заявлять о себе уже тогда, когда ставится простой во-

¹ Когда люди, происходящие из разных групп, взаимодействуют, так или иначе они испытывают обеспокоенность. <...> Тревога, порождённая всеми этими возможностями, может сама по себе создавать трудности для собеседования и порождать последствия, негативно сказывающиеся на отношениях (пер. авт.).

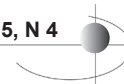
прос о сходстве (или несходстве) культур как социальных целостностей и возможности их отношения друг к другу в свете «третьей реальности» – общего смыслового пространства. При этом степень конвенциональности в процессе его формирования не так уж важна – любая достигнутая договорённость уже предполагает выработку более-менее твёрдого фундамента общения, поиск общего языка [10, с. 66].

Содействие в выработке методологических подходов оказали работы российских востоковедов И. Я. Коростовца, В. Я. Сидихменова, Н. А. Спешнева, В. В. Малявина. Кроме того, полезными стали исследования Тянь Аошуан, специалиста по филологии и культурологии Китая, а также труды отечественных философов, историков.

Результаты исследования и их об- суждение. Китайская цивилизация возникла на берегах бурной реки Хуанхэ, в бассейне которой находятся плодородные почвы, что благоприятствовало развитию сельского хозяйства. Занятия земледелием в непростых погодных условиях привили трудолюбие, терпение и сплочённость. Семья крестьянина представляла собой общину, состоявшую из нескольких малых семей, ведущих общее хозяйство. Богатый урожай – «жизнь», скудный – «голод», поэтому к еде здесь особое, трепетное отношение. Она воспринимается в качестве дара. Главный продукт в Китае – рис, для выращивания которого приходилось прилагать много усилий и кропотливо работать: зерновую культуру возделывали на затопляемых полях, для орошения конструировали колодцы и запруды, возводили плотины вдоль рек. Борьба за урожай требовала коллективного ухода, в одиночку было не справиться. Русский китаевед И. Коростовец отмечал: «...Китайский земледелец хозяйничает там, где его западный собрат и не рискнул бы взяться за соху» [по: 7, с. 533].

Одной из мрачных страниц истории является Великий китайский голод 1959–1961 гг., унёсший жизни нескольких миллионов человек. Голод и бедность оставили в памяти народа глубокий след. Иногда в Китае можно услышать фразу: 你吃过饭了吗? («Вы уже кушали?»). Этот вопрос равнозначен приветствию: «Как поживаете?» А выражение 砸饭碗 («разбить чашку с рисом») означает «потерять работу».

Китайскому этносу присущ рационализм. Человек и природа – это разумная связь, взаимодополняемость, люди являются частью природы. Прагматичное отношение к окружающему миру обусловлено отсутствием религиозного начала в китайских учениях. Наряду с этим жители Поднебесной наделены умением созерцать красоту природы, полагают, что она неотделима от внутренней красоты людей.

Особой чертой национального характера является стремление «сохранить лицо» прежде всего в общении с иностранцем. Китаец старается следовать добродетелям, выполняя обязанности в разных социальных ролях. В течение нескольких веков формировалось групповое сознание, общность и её интересы преобладают над индивидуальностью, поэтому «лицо» – это оценка социальной группой индивида и его поступков. «Потерять лицо» – оказаться вне коллектива, лишиться статуса, уважения. Исходя из намерения «сохранить лицо» китайцы деликатно относятся к юмору. Шутка будет уместна, если разговор неформальный, собеседники близко знакомы. Необходимо соблюдать тонкую грань, не шутить двусмысленно, в противном случае юмор воспримут как издевательство. Кроме того, в китайском обществе не принято смеяться над собой. Связано это с боязнью «потерять лицо» не только своё, но и страны. People from Chinese culture are deeply influenced by traditional Confucianism, are reserved, advocate the golden mean, and consider public humor as less elegant and decent¹ [18, с. 2].

Н. А. Спешнев, отечественный китаевед и лингвист, писал о специфике смеховой культуры. В Китае решающее влияние на юмор оказали древние мифологические и этические традиции, освящавшие жёсткий коллективизм, неотделимость личности от общества, приоритет массовых действий и взаимопомощь. К неколлективному смеху здесь относятся, скорее, с осуждением, а индивидуалист, как правило, является объектом насмешек [11, с. 199]. For those who have interdependent self-construal, the core unit of society is the group. In addition, individuals must adjust to the group so that society's harmony is maintained. For this reason, Eastern culture is identified as collectivist culture. In a collectivistic cultural atmosphere, individuals try to modify themselves and not influence others to fit in the groups they are in² [16, с. 106]. The Chinese-American anthropologist Francis Hsu has argued that the Chinese language has no equivalent for personality in the Western sense. <...> The closest translation into Chinese is ren, but this word includes not only

¹ Носители китайской культуры находятся под глубоким влиянием традиционного конфуцианства, сдержанны, отстаивают золотую середину и рассматривают публичный юмор, скорее, как нечто неподобающее и недостойное (пер. авт.).

² Для тех, кто обладает взаимозависимым самосознанием, основной ячейкой общества является группа. Кроме того, индивиды должны приспособливаться к группе, чтобы поддерживать гармонию общества. По этой причине восточная культура отождествляется с коллективистской культурой. В коллективистской культурной атмосфере индивиды стараются изменить самих себя и не влиять на других, чтобы соответствовать тем группам, в которых они находятся (пер. авт.).

the individual but also the intimate societal and cultural environment that makes his or her existence meaningful³ [15, с. 114].

Китайский народ внёс значимый вклад в мировую науку и культуру: на этой земле изобрели порох, компас, бумагу, книгопечатание, производили шёлк, фарфоровые изделия и т. п., что способствовало развитию чувства гордости за всё китайское. Идеологические соображения, восходящие к характеристике КНР как Поднебесной, будут, по всей видимости, усиливаться в антропологических и этнологических изысканиях: Китай сегодня не жалеет средств на финансирование крупномасштабных национально значимых проектов. Утверждение тезиса, что первый человек на Земле появился в Китае, вполне соответствует особенностям национального самосознания, тысячелетиями культивируемого в этой стране <...> [2, с. 362].

У китайцев своё понимание времени, они не спешат, живут настоящим моментом. За счёт этого достигается внутренняя расслабленность и сосредоточенность, невозмутимость. Занятие земледелием на протяжении веков, тесная связь жизни народа с природными циклами оказали влияние на восприятие времени как нескончаемой череды времён года.

Идеальная модель подобного общества – такая, при которой жизнь внука в точности повторяет жизнь деда. Отечественный исследователь О. Е. Непомнин одним из первых констатировал цикличность истории в Китае. В рамках его концепции «династийного цикла» при каждой императорской династии китайское общество проходило одни и те же фазы развития и не претерпевало серьёзных качественных изменений, двигаясь не по поступательно поднимающейся кривой общественного прогресса, а по спирали с минимальным, стремящимся к нулю расстоянием между витками [по: 12, с. 95].

Китайскому национальному характеру присущ сильно развитый игровой и драматический инстинкт. В общении китаец чувствует себя актёром со своеобразной жестуляцией и мимикой. Китайская культура по сравнению с западной является более эмоциональной. Эмоции, делающие психическую активность более интенсивной, играют важную роль в системе коммуникаций китайского общества. Эмоции оказывают большое значение на отношения между

³ Китайско-американский антрополог Фрэнсис Сюй утверждал, что в китайском языке нет эквивалента индивидуальности в западном значении. <...> Самый близкий перевод на китайский язык – жэнь, однако это слово включает в себя не только индивидуальное, но и внутреннее общество, и культурную среду, что придаёт смысл его или её существованию (пер. авт.).

людьми, на организацию и поведение индивидуумов¹.

Пространство культуры как пространство коммуникации «задано» не только символическими формами, творимыми интеллектуально. Оно имеет «горизонт», как обозначил его Э. Гуссерль, выводящий феномен за рамки сознания. И такой «горизонт», связанный с интенцией сознания как его направленностью вовне и «открытостью» смыслу (специфической «живой» несубстанциальной абстракции), апеллирует к «самой вещи» – географии, климату, повседневности и т. д. Поэтому интенция в каждой локальной культуре – не «одноразовое» событие. Скорее речь может идти о специфическом интенциональном опыте, удерживаемом вербальным и невербальным общением, закреплённом в языке и поддерживаемом, в том числе, за счёт общения с представителями иных культур (поскольку это – один из самых эффективных путей усиления его рефлексивной составляющей) [8, с. 52].

In line with Hall's model, there are two types of cultures characterized by two distinct communication styles – high context vs. low context cultures. In high context cultures (such as Japanese and Chinese), the meaning is implicit, indirect, and has to be inferred from the context in which the communication is taking place. Moreover, non-verbal communication plays an essential part, and contextual clues are of utmost importance² [17, с. 249].

В процессе общения китаец может проявить интерес к личной жизни собеседника и задать вопросы, касающиеся возраста, места работы или учёбы, должности, заработной платы, семьи. Преодолевать ценностные расхождения, сближать участников диалога помогает эмпатия в её межличностных и межгрупповых проявлениях [3, с. 66]. Более высокой эмпатичностью характеризуются культуры, опирающиеся на традиции коллективизма, солидарности, эмоциональной открытости в общении [6, с. 279].

Китайцы склонны к самосовершенствованию, причём не только духовному, но и физическому, им также свойственна тяга к знаниям. Они очень прилежные и старательные ученики. Поступление в престижный вуз, обучение, а затем трудоустрой-

ство – желание большинства молодых людей. В одной из дискуссий рубрики «Голоса молодёжи» сетевого издания «Молодёжь Китая» горячо обсуждалась проблема, которая была сформулирована следующим образом: 吃得苦中苦才能开路虎, что в переводе означает: «познаёшь трудности – будешь ездить на Ленд Ровере». Далее автор делится воззрениями о нелёгкой жизни молодых людей и задаётся вопросом, в чём смысл таких трудностей. Мнения самые разные: 为了以后 – «ради будущего»; 锻炼自己, 增长经验 – «закаляя себя, умножаешь опыт»; 老年的幸福 – «для счастливой старости»; 苦尽甘来 – «вслед за горем приходит радость»; 不经历风雨怎能见彩虹 – «возможно ли увидеть радугу, не пережив шторм»; 在逆境中锻炼自己的意志, 获得更多的经验知识, 得到成长 – «в сложных условиях закаляешь свою волю, получаешь ещё больше знаний и опыта, растёшь». Часто употреблялась поговорка: 吃得苦中苦方为人上人³ – «без труда не выловишь и рыбки из пруда».

Анализируя ответы, стоит отметить, что молодёжь не испытывает страх перед трудностями, а, наоборот, придаёт значение труду, обучению, благодаря которым приходят и опыт, и знания. Однако трудолюбие и занятость – достаточно полярные понятия. Выполнение большого объёма работы для обеспечения себя и семьи не является залогом любви к роду своей деятельности. Китайцев с детства учат терпеть, это отголоски традиционного воспитания, которое строится на примерах прошлого. Если молодое поколение не будет читать своё прошлое, то неизбежно совершит ошибки. Правильность и неправильность действий определяется образцами и традициями.

На протяжении веков в Китае сложилась концепция воспитания, в соответствии с которой долг родителей – наставление детей в течение всей жизни. Чтобы дети стали самостоятельными, их с детства необходимо приучать к труду и правильному обращению с деньгами. Родители не должны откладывать материальные средства для будущего своих детей, чтобы дети не надеялись на эти деньги. Также дети не должны пользоваться социальным статусом своих родителей [1, с. 55]. Семья несёт в себе не только функцию деторождения – в её рамках развиваются также все экономические, политические и религиозные процессы, при этом основной связкой в семье является не «муж – жена», а «отец – сын» [12, с. 97].

Семья для китайца является одной из главных ценностей. Старшие воспитывают младших, а младшие, в свою очередь, заботятся и относятся с почтением к старшему поколению. Кроме того, ребёнку с малых лет

¹ Морозова В. С. Культурно-религиозные особенности китайского этноса: учеб. пособие. – Чита: ЗабГУ, 2012. – С. 48-49.

² В соответствии с моделью Холла, существуют два типа культур, характеризующихся двумя различными видами коммуникации – культуры с высоким и низким контекстом. В высококонтекстных культурах (таких как японская и китайская) значение является имплицитным, косвенным и должно быть выведено из контекста, в котором происходит коммуникация. Кроме того, невербальная коммуникация играет существенную роль, и контекстуальные подсказки имеют первостепенное значение (пер. авт.).

³ 中国青年网. – Текст: электронный // Молодёжь Китая. – URL: <http://www.sns.qnzs.youth.cn/index/show/id/23129067> (дата обращения: 12.03.2020).

прививается, что страна – это единая большая семья, поэтому необходимо радеть не только за свой дом, но и за государство. В контексте темы представляют интерес исследования в области китайской философии синолога и переводчика В. В. Малявина. Учёный анализирует соотношение воспитания и авторитета. Другое важное следствие китайского воспитания – незыблемое уважение к иерархии, которое воспринимается как внешнее проявление ступеней духовного и нравственного совершенства. Власть в Китае вообще не отделялась от авторитета, мудрости и личной добродетели, и китаец всегда живёт с чувством уважения к власти. <...> Власть для китайцев, как сама духовная просветленность, предшествует знанию, и китаец прежде и превыше всего ищет санкционированный уклад жизни [4, с. 119]. Государственные скрепы и «вертикали власти» сочетаются здесь с толерантностью к религиозно-культурному аспекту самосознания, а жесткость этнической дисциплины уступила место соответствию поведения конъюнктурным установкам и долгосрочным предначертаниям политики центральной власти [2, с. 364].

Главной чертой национального характера является следование традициям и уважительное отношение к прошлому, преемственность. Историческая модель времени у китайцев повернута в другом направлении. Спереди находится прой-

денный путь предков, на который обращён взор китайца. Будущее, следовательно, лежит вне поля его зрения [13, с. 48]. Обращение к прошлому выливается в традиционное преклонение перед вышестоящим по службе, чиновником, авторитетом. Таким образом, со временем традиции сложились, представив определённую модель поведения.

Заключение. На протяжении веков история Китая изучалась как отечественными, так и зарубежными путешественниками, дипломатическими и духовными миссиями, учёными, составлялись описания и очерки, труды, в которых содержались данные о политическом и экономическом устройстве страны, верованиях, внешности китайцев, обрядах, быте. Исследование Поднебесной продолжается и в настоящее время, поскольку межнациональная коммуникация по-прежнему остаётся актуальным вопросом. Преодоление культурных различий и установление взаимопонимания – достаточно сложный процесс, однако если попытаться осознать и принять систему взглядов, обычаи и традиции, которые складывались в Поднебесной столетиями и не были прерваны даже во времена захватов, это принесёт положительные результаты. В китайском языке есть чэньюй 入乡随俗: «В чужой монастырь со своим уставом не ходят» – поэтому Китай следует принимать таким, какой он есть.

Список литературы

1. Ван Янь Янь. Традиции семейного воспитания в Китае // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. № 43-2. С. 54–57.
2. Глаголев В. С. Религиозно-этническое наполнение образов «свой» и «чужой» в динамике политической конъюнктуры // Диалог культур и партнёрство цивилизаций: материалы XIV Междунар. Лихачёвских науч. чт. (15–20 мая 2014 г.) СПб.: СПГУП, 2014. С. 362–365.
3. Желудова Н. Ф. Эмпатия в межличностных и межгрупповых проявлениях в современных обществах // Право и управление. XXI век. 2012. № 1. С. 66–68.
4. Малявин В. В. Китайский этнос, или дар покоя. Иваново: Роца, 2016. 522 с.
5. Медведева С. М. Национально-культурная идентичность и личность дипломата // Право и управление. XXI век. 2011. № 4. С. 32–34.
6. Панфилова Т. В., Самарин А. Н., Желудова Н. Ф. Социальная эмпатия в перспективе межкультурной коммуникации // Конфликтология. 2016. № 4. С. 262–281.
7. Сидихменов В. Я. Китай: страницы прошлого. Смоленск: Русич, 2010. 544 с.
8. Силантьева М. В. Коммуникация как способ трансляции интенционального опыта локальных культур // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2016. № 4. С. 49–55.
9. Силантьева М. В. Метаморфозы социальных организмов в свете трансформации культурных границ: глобальные следствия модернизационных процессов // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 6. С. 206–210.
10. Силантьева М. В., Глаголев В. С., Тарасов Б. Н. Философия межкультурной коммуникации // Международные процессы. 2017. № 2. С. 64–76.
11. Спешнев Н. А. Китайцы: особенности национальной психологии. СПб.: КАРО, 2014. 336 с.
12. Сухомлинова В. В. Альтернативный коллективизм: глубинные характеристики традиционного китайского общества // Манускрипт. 2018. № 9. С. 93–99.
13. Тань Аошун. Китайская картина мира: язык, культура, ментальность. М.: Языки славянской культуры, 2004. 240 с.
14. Aneas, María Assumpta, Sandín María Paz. Intercultural and Cross-Cultural Communication Research: Some Reflections about Culture and Qualitative Methods. Текст: электронный // Forum: Qualitative Social Research. 2009. 10 (1). Art. 51. DOI: <http://dx.doi.org/10.17169/fqs-10.1.1251> URL: <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/1251> (дата обращения: 30.04.2020).
15. Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind: intercultural cooperation and its importance for survival. New York: McGraw Hill, 2010. 561 p.

16. Nangyeon Lim Cultural differences in emotion: differences in emotional arousal level between the East and the West // *Integrative Medicine Research*. 2016. № 5. Pp. 105–109. DOI: 10.1016 /j.imr.2016.03.004.
17. Teodorescu A. Intercultural communication patterns and language use in computer mediated-communication // *Studii si Cercetari Filologice: Seria Limbi Straine Aplicate*. 2012. No. 11. Pp. 247–253.
18. Yi Wang, Su Lu, Jia Liu, Jiahui Tan, Juyuan Zhang The Influence of Culture on Attitudes Towards Humorous Advertising // *Frontiers in Psychology*. 2019. No. 10. Pp. 1–12. DOI: 10.3389 /fpsyg.2019.01015.

Статья поступила в редакцию 11.05.2020; принята к публикации 12.06.2020

Сведения об авторе

Бокавнева Ольга Викторовна, соискатель, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России; 119454, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 76; e-mail: o.bokavneva@inno.mgimo.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9645-7501>.

Библиографическое описание статьи

Бокавнева О. В. За границу Великой стены: особенности национального характера китайцев // *Гуманитарный вектор*. 2020. Т. 15, № 4. С. 137–142. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-4-137-142.

References

1. Van Ian Ian. Traditions of family education in China. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 43–2, pp. 54–57, 2007. (In Rus.)
2. Glagolev, V. S. Religious and ethnic filling of images of “one’s own” and “someone else’s” in the dynamics of political opportunism. Dialogue cultures and partnership of civilizations. XIV international Likhachevsky scientific readings. Proceedings of the Conference. Saint Petersburg: 15–20 May 2014: Sankt-Peterburgskii Gumanitarnyi universitet profsoiuzov, 2014: 362–365 (In Rus.)
3. Zheludova, N. F. Empathy in interpersonal and intergroup communication in contemporary society. *Law and Governance*. 21st Century, no. 1, pp. 66–68, 2012. (In Rus.)
4. Maliavin, V. V. Chinese ethnos, or the gift of peace. Ivanovo, Roshcha, 2016. (In Rus.)
5. Medvedeva, S. M. National and cultural identity and a diplomat’s personality. *Law and Governance*. 21st Century, no. 4, pp. 32–34, 2011. (In Rus.)
6. Panfilova, T. V., Samarin, A. N., Zheludova, N. F. Social empathy in intercultural communication perspective. *Konfliktologia*, no. 4, pp. 262–281, 2016. (In Rus.)
7. Sidikhmenov, V. Ya. China: pages of the past. Smolensk, Rusich, 2010. (In Rus.)
8. Silant’eva, M. V. Communication as a Way to Broadcast an Intentional Experience of Local Cultures. *Scientific research and development. Modern communication studies*, no. 4, pp. 49–55, 2016. (In Rus.)
9. Silant’eva, M. V. Metamorphosis of Social Organisms in Light of Transformation of Cultural Boundaries: Global Consequences of Modernization Processes. *MGIMO Review of International Relations*, no. 6, pp. 206–210, 2012. (In Rus.)
10. Silant’eva, M. V., Glagolev, V. S., Tarasov, B. N. Philosophy of crosscultural communication. *International Trends*, no. 2, pp. 64–76, 2017. (In Rus.)
11. Speshnev, N. A. The Chinese: features of national psychology. Saint Petersburg, KARO, 2014. (In Rus.)
12. Sukhomlinova, V. V. Alternative collectivism: inner characteristics of the traditional Chinese society. *Manuscript*, no. 9, pp. 93–99, 2018. (In Rus.)
13. Tan Aoshuan. Chinese picture of the world: the language, the culture, the mentality. Moscow, Jazyki slavjanskoj kultury, 2004. (In Rus.)
14. Aneas, María Assumpta, Sandín, María Paz Intercultural and Cross-Cultural Communication Research: Some Reflections about Culture and Qualitative Methods. *Forum: Qualitative Social Research*, no. 10, art. 51, 2009. Web. 30.04.2020 <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/1251>. DOI: <http://dx.doi.org/10.17169/fqs-10.1.1251> (In Engl.)
15. Hofstede, G., Hofstede, G. J., Minkov, M. *Cultures and Organizations: Software of the Mind: intercultural cooperation and its importance for survival*. New York: McGraw Hill, 2010. (In Engl.)
16. Nangyeon Lim Cultural differences in emotion: differences in emotional arousal level between the East and the West // *Integrative Medicine Research*, no. 5, pp. 105–109, 2016. DOI 10.1016 /j.imr.2016.03.004 (In Engl.)
17. Teodorescu, A. Intercultural communication patterns and language use in computer mediated-communication. *Studii si Cercetari Filologice: Seria Limbi Straine Aplicate*, no. 11, pp. 247–253, 2012. (In Engl.)
18. Yi Wang, Su Lu, Jia Liu, Jiahui Tan, Juyuan Zhang The Influence of Culture on Attitudes Towards Humorous Advertising. *Frontiers in Psychology*, no. 10, pp. 1–12, 2019. DOI 10.3389 /fpsyg.2019.01015 (In Engl.)

Received: May 11, 2020; accepted for publication June 12, 2020

Information about author

Bokavneva Olga V., Degree Seeking Applicant, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia; 76 pr. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia; e-mail: o.bokavneva@inno.mgimo.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9645-7501>.

Reference to the article

Бокавнева О. В. Beyond the Great Wall: Peculiarities of the Chinese National Character // *Humanitarian Vector*. 2020. Vol. 15, No. 4. PP. 137–142. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-4-137-142.